

У Иван Евгеньича и в мыслях не было относиться к Даше как к сексуальному объекту. Ну, то есть... понятно, что ни один здоровый мужик, глядя на молоденьку, налитую розовым соком Дашеньку, не будет думать о ней только как о «студентке Молокаевой», но все-таки это думанье жило в безопасном уголке его «я», не привлекая лишнего внимания.

И от того, что Иван Евгеньич пригласил ее в совместное путешествие, ничего не изменилось. Он всегда так делал, приглашая и студенток, и студентов. Весенний поход в горы в сопровождении своих питомцев давно стал для него ритуалом, о котором знал весь институт. Обычно это была компания из 3—4 человек, но иногда так складывалось, что у Иван Евгеньича был только один спутник. Или спутница.

Так и сейчас вышло: кто поболел, у кого были свои планы... в итоге осталась одна Даша. Не самая сильная, кстати, его студентка — и, соответственно, не самая любимая. Пожалуй, Иван Евгеньич предпочел бы, чтобы с ним поехала Люда Каравайкина — не менее эффектная, чем Даша, но при этом способная и старательная, как... как...

Но поехала Даша. Так уж сложилось, и Иван Евгеньич не жалел об этом. Он обожал, когда в неформальной обстановке с его ребят слетала официальная шелуха, и сейчас тайком пьянил от Дашиных веснушек и блестящих глаз. В такие минуты он сам себе казался молодым и сильным. Этого допинга ему вполне хватало до летних каникул, и ни на что большее он не претендовал.

Так все и вышло бы, как всегда — пикантно, волнительно и вполне прилично, — если бы не... Если бы не одно обстоятельство, в котором вроде и не было ничего эдакого: Даша с непривычки натерла кожу на внутренней стороне бедер. И не где-нибудь, а прямо под трусами.

Иван Евгеньич хорошо знал, какое это дрянное дело: в его богатой туристской практике такое случалось не раз, и однажды все кончилось воспалением и температурой. Его пришлось тогда нести на носилках. Судя по всему, Даше грозила та же беда: она еле долозла, опираясь на Иван Евгеньича, до отеля, и лоб у нее был горячий — то ли от подъема, то ли от болячки. Как действовать в таких случаях, Иван Евгеньич знал превосходно. Мазь, поднявшая его тогда на ноги за два дня, была при нем. Поэтому не стоит, наверно, осуждать его за то, что он так и не смог не удержаться от...

— Без трусов?! — краснела Дашенька.

— Ну да. Кожа должна проветриться, иначе не заживет. Минимум два дня, — убеждал ее Иван Евгеньич, изо всех сил стараясь не краснеть сам.

— А... а как же...

— Ну что поделать, Даш. Нам еще повезло, что есть эта мазь. Быстроенько раздевайся, и...

— Аааай! — верещала та из ванной. — Как больнооо... Я не могу даже прикоснуться туда! — жаловалась она ему, высунув белобрысую голову.

— Просто обмой душем! Теплую воду сделай, и легкую такую струю... И чуть-чуть с мылом. Ну чуть-чуть хотя бы...

— Иииии!... — пищала бедная Даша, и потом ковыляла, всхипывая, в комнату. На ней была футболка и полотенце на бедрах. (Они с Иван Евгеньичем снимали одну комнату с раздельными кроватями.)

— Нужно хорошо так намазать, и потом еще втереть! — объяснял ей Иван Евгеньич, выйдя в коридор. Он понятия не имел, как быть дальше, — но, сколько мог, старательно держал марку джентльмена.

— Иииии! Не могууу! Больнооо! — слышалось из-за двери. Иван Евгеньич ждал, сколько было сил, уговаривая Дашу потерпеть, но...

Все же он был простым смертным. Точнее — смертным мужчиной.

Поэтому, выждав свои джентльменские пять минут, он решительно направился к Даше, рывком натянувшей на себя одеяло.

— Раздвинь, — приказал он, холодея. Даша не шелохнулась, и он скинул одеяло прочь. — Ну!

— Иван Евгеньич нажал на бледные коленки. — Сильно раздвинь, до конца!..

Даша наконец поддалась ему, распахнув живописный вид на ЭТО, лиловое и большое, как у взрослой тетки. Ниже краснело воспаление.

— Тaaак... Терпи! — бормотал Иван Евгеньич, осторожно смазывая больные места. Даша подвывала — то ли от боли, то ли от стыда, то ли от того и другого вместе. — Терпи, Молокаева...

Наконец экзекуция была окончена, и он отошел от заплаканной Даши.

— И что теперь?

— Ничего. Вот так вот будь все время — без трусов, с раздвинутыми ногами, чтобы проветривалось, — сказал Иван Евгеньич, сам холодея от своих слов. — Ходить не надо, лучше сиди или лежи. Поухаживаю за тобой, так и быть...

— А набросить что-то сверху можно?

И тут Иван Евгеньич покривил душой.

— Нет, нельзя, — сказал он, хоть и совсем не был в этом уверен. — Самое главное — проветривать больное место. Ты ведь и так ночью будешь укрываться... Нет, Молокаева, придется тебе посидеть, как в детстве, голопопой. Раздвинь ножки, ты что!... Хорошо раздвинь!

Целый день Даша провела пиздой нараспашку. На краснощекой, обалдевшей от стыда девочке была только майка, доходящая ей до пупа.

Целый день Иван Евгеньич пробыл взвинченным, неестественным, суетливым типом, несущим всякую хрень и непрерывно думающим О НЕЙ — о голой Дашиной пизде, коловшей ему глаза и яйца.

Это было смешно, честное слово — вроде бы Иван Евгеньич в своей жизни достаточно перевидал, перещупал и переебал этих розовых моллюсков, так вкусно скользящими под возбужденной елдой... «Остановись! О чем ты думаешь?» — кричал ему внутренний голос. — «Ведь это всего лишь пизда. Ты что, не знал все это время, что у Даши она тоже есть? Всего лишь пизда...»

— Раздвинь, — просил он Дашу, и та безропотно подставлялась его пальцам, вмазывающим мазь в воспаленную кожу. Как бы случайно они задевали лиловые лепестки бутона («липкие! течет моя Дашенка!» — холодел Иван Евгеньич), и Даша всякий раз вздрагивала — как бы от боли.

— Болит? — спрашивал ее Иван Евгеньич.

— Угу, — мычала она, не поднимая глаз.

— Ну ничего. Пройдет. Пройдет-пройдеет, — пел он и кружился по комнате, проклиная сам

себя.

Во сне он трахался, как дурной кролик, неведомо с кем и где, и яйца его ныли, желая облегчиться в поллюции, которую давно разучились делать. Первое, что он увидел утром — голую Дашину пизду, зиявшую на краю кровати.

Иван Евгеньич шумно сглотнул, пересекся взглядом с Дашей и отвел глаза.

— Как дела? — прохрипел он, пряча свой дрын под одеялом.

— Вроде лучше...

— Подойди сюда.

Даша подошла к нему.

Он мог обхватить ее бедра и привлечь к себе. Мог впиться ртом в бесстыдные створки, из-за которых даже воздух в номере, казалось, вибрировал и ныл, как его яйца. Мог просто прикоснуться к ним и ощутить их липкую влагу...

Но он просто уставился на воспаление, которое за ночь стало гораздо бледнее.

— Меньше болит, да?

— Вроде да...

— Давай еще намажу. Доброе утро, кстати...

Даша уже вполне могла мазаться сама. Но она послушно принесла мазь, присела рядом с Иван Евгеньичем и распахнула ножки.

— Так, таааак... — мычал тот, вмазывая гель в упругую Дашину плоть. Пальцы его, как и раньше, легонько задевали запретное место, и Даша пыхтела.

— Больно?

— Угу... оооу!

Мизинец Иван Евгеньича коснулся липкой щели между лепестками, и Даша не удержалась от стона.

И ладно бы... но в этот самый момент ее угораздило посмотреть на него, а его — на нее.

Нутро Иван Евгеньича прожег ледяной огонь. То же самое, видно, произошло и с Дашой, потому что она снова застонала (тихонько, еле слышно), и Иван Евгеньич увидел этот стон в ее взгляде. Он задержал руку...

... и в следующий миг его пальцы уже мяли влажную середку. Вначале медленно, потом быстрей и требовательней — и вот уже он дрочил, откровенно дрочил Дашину пизду, а та пыхтела, выпятив лобок. Губы ее шевелились — Даша хотела что-то сказать, но вместо слов из нее рвались стоны, все громче и громче — и вот уже она запрокинула голову, закатила глаза и мнет, всхлипывая, остроносые свои груди под маечкой... «aaaaa!... « — лобок вздыбился, бедрышки затанцевали, насаживаясь на руку — кончает, голубушка, кончает, сладкая моя... Иван Евгеньич рыкнул зверем, лихорадочно высвободил хозяйство из проклятых тряпок, повалил спускающую Дашу и с размаху въебался в нее, вдавливаясь до упора в танцовщую плоть... ааа, ааааа, как хорошооо... оооо...

— ОOOOO!!! — услышал свой голос Иван Евгеньич.

Было сладко, влажно и горячо, но белесый свет выдавливал из него эту сладость, и с ней — голые ноги и бедра, уползавшие обратно в ночь. — Ооох!

Между ног было мокро, как в детстве.

На соседней кровати лежала фигурка, укрытая одеялом, и смотрела на него Дашными глазами.

— Иван Евгеньич! Иван Евгеньиич!... Все хорошо?

— А? Что?

— С вами все в порядке? Вы кричать стали... приснилось что-то?

— А?... Да, приснилось...

Он шумно вдохнул, выдохнул и снова вдохнул:

— С добрым утром, Даш.

Проклятый сон преследовал его весь день. Дашина пизда сияла ярче солнца, и Иван Евгеньич, как мог, делал вид, что ее нет.

Это было нелегко, особенно когда Даша мазалась мазью (да, она уже делала это сама), — уголки Дашиных губ улыбались неописуемой полуулыбкой, а Иван Евгеньич все равно не отворачивался, делая вид, что все идет по плану. Он болтал с голопопой Дашей о том же или почти о том же, о чем болтал с обычной, и высматривал, маслится ли ее лиловый розанчик, блестит ли в отблесках окна. Тот маслился и блестел.

Даша завтракала с Иван Евгеньичем, распахнув бедра, и ее пизда светилась сквозь стол. Вся еда вдруг стала соленой, с металлическим привкусом, будто язык Иван Николаича уже побывал ТАМ. Приходилось следить, чтобы пальцы непроизвольно не теребили хозяйство сквозь штаны, и когда не получалось, Иван Евгеньич косился на Дашу — и снова видел ее пизду, которая смотрела на него, куда бы Даша ни повернулась. Пизда была всюду, даже стены мерцали ее лиловыми отблесками. Смертельно хотелось закрыться в туалете и выдрочиться нахуй, но Иван Евгеньич боялся, что Даша все поймет (как будто она и так не понимала).

Даша не кокетничала (насколько это было ее в силах), не дразнила его (не считая глаз), в меру стеснялась, в меру краснела и без меры улыбалась, прикрывая улыбками то, что прикрыть было нельзя. От ее улыбок было совсем худо, и Иван Евгеньич все чаще сгонял свои пальцы со срамного места.

Потом он понял, что так не годится. Он профессор,уважаемый педагог, а не какой-нибудь пацан с гормонами. Это наваждение нужно просто забыть. Загнать в жопу и забыть.

Поволновался немного, глазами посверкал... Даша все поймет, не маленькая уже (а стыдно-то как, блядь!...) Порядочная девушка — ни ползвуком не показала, каково ей, если не считать глаз и улыбки... ёб ты бля, какая у нее улыбка! И пизда у нее улыбается, маслится и улыбается...

Нет. Нет... Даже смешно об этом думать.

Иван Евгеньич нервно рассмеялся. Даша посмотрела на него.

— Анекдот вспомнил, — сказал он.

— Какой?

— Ну... эээ... щас...

Он рассказал наспех выковырянный из памяти и совсем не смешной анекдот, который оказался еще и пошлым. Даша вежливо смеялась.

«Иидиоооот!» — стонал Иван Евгеньич про себя. (А может, и вслух.)

Все. Хватит.

Он вдохнул и выдохнул, чтобы с воздухом из него вышло все лишнее.

— Думаю, тебе уже скоро можно будет одеться. Сегодня-завтра, — бодро возвестил он, подходя к Даше. — Дай-ка глянуть...

Он действительно хотел только глянуть ее вавки.

Это действительно было так.

Он действительно не хотел трогать ее бутон... Просто Даша дернулась... а может, его рука дернулась. Или весь мир дернулся...

А когда его пальцы скользнули по масляным лепесткам — Даша застонала. Совсем тихонько, еле-еле слышно. И подняла на него глаза.

Они блестели, как ее пизда, которую сейчас трогал Иван Евгеньич.

Его сон вдруг начал оживать. Вот прямо сейчас. И Даша смотрела на него, и он снова видел ее стон в этом взгляде, и... и снова его рука задержалась в масляной середке, и вот уже он мял ее, холодея до кишок.

Вначале робко, вопросительно, а потом сильней, сильней — и Дашина стон, реальный и тот, который в ее глазах, тоже делался сильней, и вот уже Иван Евгеньич откровенно дрочил свою Дашу, а та откровенно стонала, глядя ему прямо в глаза. Взгляд ее набухал изумлением, огромным и круглым, как Вселенная.

Тормоза выключились, и Иван Евгеньич сдернул штаны. Даша охнула, округлив глаза совсем уж по-кошачьи...

Как это получилось — никто из них не понял, но взбухший, сжатый, невыносимо твердый хуй Иван Евгеньича был глубоко в Даше и сверлил ее, влизая еще глубже.

Даша внутри была горячей и плотной, как ядра звезд, Иван Евгеньич ощущал хуем ее жар и ебал быстро-быстро, чтобы не сгореть, но сгорал еще сильней — и еще быстрее ебался, как маховик, как бешеный маятник. Это было, как в его сне, — и это был не сон. В Дашиных круглых глазах застыл взрыв изумления (так бывает, когда картинка застывает на экране зависшего компьютера); Иван Евгеньич крепко держал ее за бедра и сам таращился, как филин, потому что во все это нельзя было поверить...

— Что вы делаете? — шептала она, когда Иван Евгеньич давно и глубоко был в ней.

Или не шептала, а просто стонала, лопаясь от его хуя, накипала густой накипью и тужилась в оглушительных корчах, и Иван Евгеньич простреливал ее насквозь, как из брандспойта, и им было горячо и хорошо, смертельно хорошо кончать вместе, корчиться и кричать оттого, как больно срослись их тела...

Дашенька была целочкой, и оттого Ивану Евгеньичу было в три раза, в десять раз, в сто раз стыднее. Когда они выкончались до огоньков в голове, и когда таращить глаза уже было нельзя, он хотел сказать ей «прости!» — и не смог, почувствовав, как это будет фальшиво. Его даже передернуло.

Поэтому он сказал ей «спасибо».

Прозвучало тоже не ахти как.

— Не за что... — прошептала Даша.

Больше они не говорили о том, что произошло.

Она ходила заторможенная, притихшая, как привидение. Иван Евгеньич тоже превратился в призрака. Нужно было полежать с ней, обцеловать и обладить все ее замечательное тело, увидеть наконец ее грудки, вылизать ее разъебанную писечку, чтобы...

Но все это было нельзя.

Назад они ехали, как учитель и ученица. Иван Евгеньич говорил на учебные темы, Даша слушала, кивала — и даже ее веснушки старались вникать в умные речи педагога. Оставаясь наедине с собой, тот дергался и ныл — «надо поговорить с ней, надо все обсудить, надо... « Но

не говорил, не обсуждал и прятался за стеной официоза.

С каждым уроком (Даша, естественно, продолжала ходить на занятия) — с каждым уроком эта стена давила все сильней. По специальности у них ничего не получалось, и Иван Евгеньевич ставил в пример Даше способную Люду Каравайкину, а сам терзал себя:

— Подумать только — выебал собственную студентку! Новеньющую, первокурсницу, невинное создание...

Думать такое о себе было странно, как если бы он ограбил дом престарелых.

Однажды Даша пришла какая-то совсем смурная. Весь урок она пропустила, отвечая невпопад, и под конец, когда они уже попрощались, обернулась и сказала:

— Иван Евгеньич... Мне надо кое-что вам...

— Что? — поднял брови Иван Евгеньевич, похолодев от ее тона.

Она подошла к нему.

— Я... у меня будет ребенок. Я сделала тест...

И подняла на него умоляющий взгляд.

А дальше было то, чего никто из них не ожидал.

Иван Евгеньевич таращился на нее. И вдруг заулыбался, взял ее за плечи.

Даша тоже улыбнулась ему — вначале робко, вопросительно, а потом засияла, как солнечный зайчик.

Их улыбки притянули друг друга — и слепились в порывистом поцелуе.

Иван Евгеньевич впервые целовал Дашу — жадно, неумело, как слюнявый пацан, будто не было до нее ни одних губ и ни одного языка... Даша не отставала от него. Они кусались по-щеняччи, прогрызая друг к другу дырку в стене, выросшей с того памятного дня... и стена не выдержала! Рухнула и расточилась, будто ее и не было. А с ней упали на пол и две пары джинсов с трусами.

Дашины глаза снова застыли от изумления. Только теперь их подсвечивала улыбка, усиленная веснушками, как отражателями. Мокрые губы ее блестели, и глаза блестели, и веснушки, и вся она сверкала, как маленькое солнышко... а Иван Евгеньевич усадил ее голой попой на стол.

— Ну, здравствуй, старая знакомая, — сказал он ее пизде. Даша смеялась и смотрела, набычив голову, как в нее входит длинная лиловая колбаса, и морщилась, и кусала губы, но все-таки впустила ее в себя до упора, лобок к лобку, и потом обхватила ножками Иван Евгеньича — и он носил ее по аудитории, целуя в нос и в губки, и на третьем кругу не выдержал и обкончал медовую Дашенькину утробу, облепившую его теплоймякотью...

— Теперь мы можем делать это, сколько захотим, — сказал он, выдрочив ее до черноты в глазах.

— И сколько сможем, — пробормотала Даша.

На следующей неделе оказалось, что тест наврал, но было поздно: они трахались при каждой встрече. При одном виде Даши у Иван Евгеньича набухало под штанами, а Даша сверкала ему своей влажной улыбкой, и он знал, что так же влажно блестит ее пизда, упрятанная под слоем тряпок...

Они расписались в тот же месяц.

Своей жене он спуску не давал, требовал с нее втрое больше, чем со всех, гонял на зачете, как последнюю хвостистку, а она отыгрывалась и ебла его дома страпоном, купленным специально для этой цели.

В итоге Даша выбилась в тройку лучших, а Люда Каравайкина перевелась к другому преподу.

— Вы ебете мне и письку, и мозги, — сказала Иван Евгеньевичу его жена, поздравляя его с окончанием года, — и я не знаю, что вы делаете лучше